

ВЛАДИМИР АБРАМОВ

ХОЧУ ЖЕНЩИНУ
В НИЦЕ

ВЛАДИМИР АБРАМОВ

ХОЧУ ЖЕНЩИНУ
В НИЦЕ



Издательство «АСТ»
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А16

Абрамов, Владимир.

А16 Хочу женщину в Ницце / Владимир Абрамов. — Москва :
Издательство «АСТ», 2017. — 608 с. : илл.

ISBN 978-5-17-105118-1.

Владимир Абрамов, один из первых успешных футбольных агентов России, на протяжении многих лет являлся колумнистом газеты «Советский спорт». Автор популярных книг «Футбол, деньги, еще раз деньги» (2002 год) и «Деньги от футбола» (2005 год).

В своем историческом романе «Хочу женщину в Ницце» Абрамов сумел чудесным образом объединить захватывающие события императорского Рима и интриги российского бомонда прошедших веков с событиями сегодняшнего дня, разворачивающимися на берегах Французской Ривьеры.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

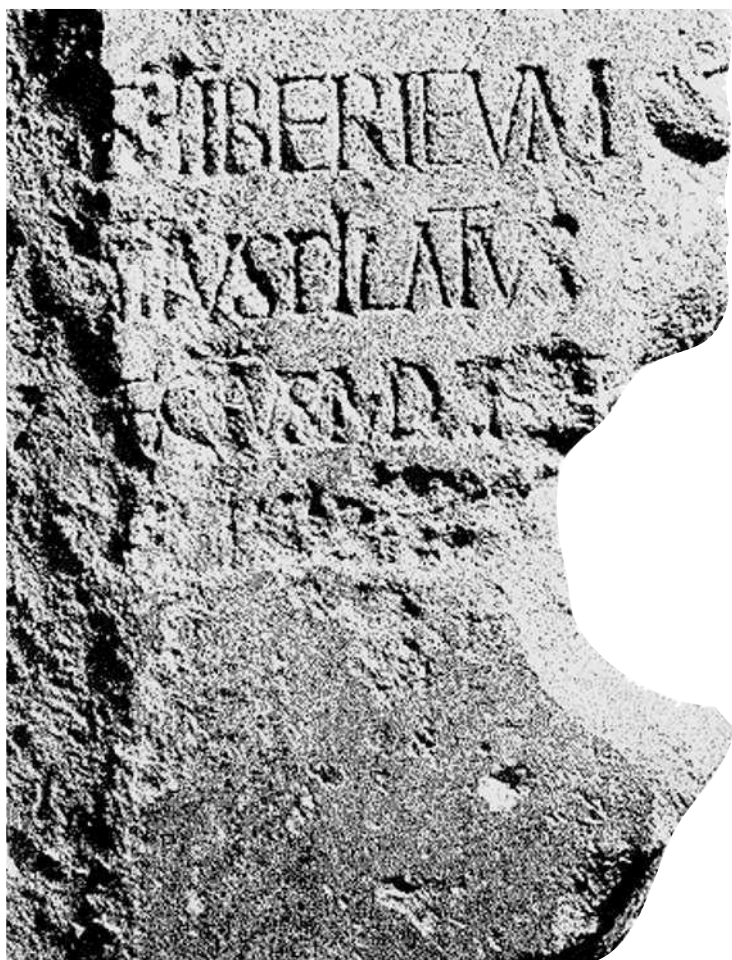
ISBN 978-5-17-105118-1.

© Абрамов В.
© ООО «Издательство АСТ»

«И всё это, и вся эта заграница,
и вся эта ваша Европа, всё это
одна фантазия, и все мы за границей,
одна фантазия... помяните мое слово,
сами увидите!»

Ф. Достоевский
«Идиот»

ЧАСТЬ 1



*Кесарийская известковая плита с надписью «Августу Тиберию
Понтий Пилат префект Иудеи посвятил...»*

«Твой отец — язычник», говорила мне мама не потому, что была ортодоксальной христианкой, а потому, что отец больше увлекался римскими древностями, чем ею. Меня она в сердцах часто называла «поганцем», хотя, если честно, мне больше нравилось, когда в мой адрес бросалось просто «погань». Так было короче, и было на что обижаться. Но я все равно не обижался на маму, потому что она была права. Я никогда не понимал, что означает «вести себя правильно»: в школе говорили, что я веду себя, мягко говоря, «неподобающе», а в компании преуспевающих взрослых я всегда ощущал себя ничтожеством. Таким, как я, место только у заводского станка, искренне полагала моя классная руководительница. Тем не менее, отец настоял на том, чтобы устроить меня в МГУ на исторический факультет, хотя мама была против. Я был полностью согласен с нею, потому что хотел быть банкиром, и, как отец, сидеть в большом кабинете и подсчитывать доходы на калькуляторе. «Если не хочешь, чтобы он учился в финансовом, давай, я устрою его в нашу Плешку», — предлагала мама, но отец настоял на своем. «Сынок, — говорил папа, — если из тебя толку в жизни не будет, ты в отличие от мамы хотя бы будешь знать, что означает слово «погань». Мой отец слыл среди близких друзей утонченным эпикурейцем, наивно полагая, что удовольствие есть высшее благо.

— Негоже вкушать вам, взгальным, одни удовольствия! — возмущалась моя бабушка, когда подавала горячее в гостиную и принималась судачить с гостями о нашем благородном семействе.

Ах да, бабушка! Я еще совсем ничего не сказал про папину маму, мою бабушку Варю, которая когда-то гладила меня по головке, приговаривая: «Дися, не надо перечить старшим!» Я как мог, старался быть вежливым, но как же было не перечить, когда это было совсем не *comme il faut*. Нас тогда никто не подталкивал, мы сами спешили свалиться в пылкие объятия общества потребления, где можно было все и сразу, и попробовать, и купить, где мораль становилась свободнее, а, значит, каждый мог стать самим собой, не парясь о последствиях, оттого и для бабушки с ее устаревшими взглядами я вдруг стал вырождением. Нет, я не превратился в отпетого наркомана и не приходил домой под кайфом, как

мои друзья, в рваной одежде, демонстрируя на голом торсе броские тату, но все чаще вместо ласкового «Дися» или просто «Денис» я слышал у себя за спиной именно это грохочущее слово «выродок».

«Tempora mutartur», — говорили древние, и мы, студенты девяностых и нулевых годов менялись вместе со временем. Меня пытались воспитывать всем семейством, отчего мою мятущуюся душу несусветно колбасило. Вечерами выводили в театры и рестораны. При этом рядили в подобие русского интеллигента по лекалам лучших итальянских кутюрье, по ходу знакомя с девочками из порядочных семей. Наверное, поэтому бабушке поначалу могло показаться, что они были на правильном пути. А коли так, то последним мазком к незавершенному портрету молодого московского интеллигента, по ее мнению, должна была стать моя неподдельная любовь к творчеству Михаила Булгакова, точнее, к его последнему роману про Мастера. Несомненно, бабушкина тяга к прекрасному была односторонней и навязчивой, и перечить ей было себе дороже, но в этом-то и заключалась особенность моего вредного характера. Чем убедительнее я давал ей понять, что мне глубоко безразлична книга о любви Мастера к Маргарите, тем чаще это творение оказывалось у меня в комнате, лежащим на углу большого письменного стола, который приобрел отец у своего антиквара по случаю. Поначалу я наивно думал, что это намек на «квартирный вопрос», что так подпортил жизнь москвичам во времена творческих лет Булгакова. Потом оказалось, что это совсем не так, поскольку моими предками к радости бабушки был уже давно внесен крупный аванс для приобретения на мое имя комфортного жилья в строящемся доме на Удальцова у них под боком, и просто мне об этом до поры до времени никто не спешил говорить.

Однажды я застал бабушку Варю у себя в комнате с тем же увесистым предметом черного цвета в руках и с ходу дал ей понять, что худо-бедно прослушал университетский курс по истории Древнего Рима и пока читать весь этот гениальный опус не собираюсь. В ответ на немой вопрос «почему», который застыл в ее потухших от возраста глазах, я не выдержал и выхватил у нее из рук толстый том из собрания Михаила Афанасьевича под номером 5, который был для

бабушки скорее Святой библией, чем просто книгой, и, демонстративно раскрыв перед нею вторую главу с кратким названием «Понтий Пилат», стал читать вслух те первые строки, которые уже много лет вызывают неистовый восторг на лицах московской творческой богемы. «В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...» — я на секунду прервал свою театральную декламацию и бросил взгляд на бабушку, но не увидев на ее лице ни следа настороженности, а только умиление, продолжил: «Более всего на свете прокуратор ненавидел запах розового масла...». Я не мог более сдерживать улыбки, полной сарказма, и, закрыв книгу, бросил ее на стол.

— Ну что, тебе достаточно, — сказал я с раздражением в голосе, торжествуя оттого, что интриговал ничего пока не понимающую бабушку.

— Чего достаточно, — возмутилась моя благородная воспитательница.

— Как чего?! Я прочел тебе только два первых предложения и сразу обнаружил целых четыре исторические ошибки! Заметь, я учусь в университете только на третьем курсе, но сразу бросается в глаза столько неточностей! Они и в кино потом переключались автоматом. Во всяком случае, так говорил, потешаясь над дремучестью киношников, наш уважаемый профессор по истории греко-римской античности.

— Ты меня за дуру не считай, черт чудной, а объясни толком, — снова возмутилась она.

С некоторых пор я стал отмечать, что извлекать былое из-под спуда постепенно становилось не только сутью моей будущей профессии, но и страстью.

— Пожалуйста, — сказал я с благосклонностью мэтра, — лишь бы ты все поняла. То, что Понтий Пилат был совсем не прокуратором Иудеи, как полагал Корнелий Тацит в своих «Анналах», а префектом, сейчас ни у кого из здравомыслящих любителей истории не вызывает сомнения, особенно если принять во внимание ту археологическую находку, которую итальянцы извлекли в начале 60-х годов XX века из морских глубин у берегов древнего города Кесария в Израиле, где когда-то находилась резиденция римских правителей, в том числе и Пилата. Найденный артефакт в виде известняковой плиты с латинской надписью наконец

подтвердил реальное существование Понтия Пилата и его правильной должности. Я видел плиту своими глазами и даже прикасался к ней руками.

— Что же с нами происходит, святой отец, — вздохнула бабушка, — каждый раздолбай мнит себя черт знает кем. Умник, это все, что ты хотел сказать? — бросалась она в меня словами, словно учительница грязной тряпкой.

— Да, это только то, что касается первой неточности, — смутился я.

— Господи, я-то думала, что он такого сыскал! Префект вместо прокуратора? Да и шут с ним, Дися! Разве в этом дело? — воскликнула бабушка, недовольная моими придирадками.

— Может, это и не важно, — мягко, но настойчиво продолжал я, — но в древнем мире правильное название государственной должности определяло и обязанности правителя и то, кому он был подотчетен. Пилат был зависим от римского наместника провинции Сирия, куда Палестина входила составной частью. Имперский легат Сирии проконсул Вителлий жестоко пресекал любое превышение власти Пилатом в Иудее. Своей властью он мог отзывать префекта в метрополию для дачи объяснений на основании жалоб, которые поступали в Антиохию, где размещался наместник, особенно, если жалоба касалась вопроса веры, поскольку политика Рима на Востоке была подчеркнута веротерпимой. Веротерпимой, бабушка. Я готов это повторить для тебя еще раз.

— Не надо, милоч, не трудись. Говорю тебе, чужая душа — потемки. Терпимость — это добродетель, которой не хватает всем членам нашей семейки.

— Я толкую тебе о веротерпимости. Это важно для правильного понимания истории Рима.

— Я не глупая, Дися, только не могу взять в толк, зачем ты мне обо всем этом рассказываешь?

— Я тоже не мог понять тебя и маму, когда вы на пару насильно таскали меня чуть ли не за ручку на скучные пьесы Островского в Малый, и затем, прогуливаясь по скверу, шумно вспоминали слова художественного руководителя театра Юрия Соломина, который в передачах выступал страстным поборником исторической достоверности при постановке спектаклей молодыми режиссерами. Мама посмеивалась над его словами, что если персонаж XIX века намерен на сцене

пить чай из самовара, то должен непременно подставлять блюдце, а не чашку, и если у него неожиданно спадают штаны, то он должен предстать перед зрителем именно в кальсонах, а не в трусах. Не было тогда трусов! Для Соломина это архи важно. Я затем, дорогая моя, распинаюсь пред тобой, чтобы тебе было проще понять неправоту Булгакова.

— Вот то-то и оно-то, но голову мне не дури и говори проще. Не умничай.

— Так вот, бабуля, обязанности префекта Иудеи заключались в обеспечении общественного порядка, надзоре за поступлением податей и отправлении правосудия. Ответь мне, дорогая, что собирался делать Пилат, выходя в крытую колоннаду дворца Ирода Великого?

— Чего? Суд вершить, чего еще.

— Тогда зачем он оделся так, словно Ершалаиму грозили беспорядки?

— А как же, Дися, он же командир! — убежденно воскликнула бабушка.

— Именно так рассуждал и Булгаков, — обрадовался я ее восклицанию. — Он даже первоначально назвал Пилата генералом. В Риме это называлось легатом. Потом Булгакову, правда, подсказали, что он хватил лишнего, поскольку Пилат не то, что до легата не дослужился, он даже до военного трибуна не дотянул. Тогда слово «генерал» было вычеркнуто из текста. Оно осталось только в ранней редакции.

— Ты, пожалуйста, Денис, Булгакова с собой не равняй, он гений, а ты просто ничто, а сейчас превращаешься в большое ничто. Он был осторожным писателем, и роман у него от того получился гениальным.

— Мастером, бабушка, а не писателем, — взмолился я, — именно мастером, если только мы говорим об этом романе. Он ненавидел это слово. И этот мастер по образованию был историком, и владел аж пятью языками и немного итальянским. А на самом деле он многого просто не знал, поэтому он своего прокуратора первоначально называл в черновиках то ли ротмистром, то ли взводным. Однако по мере работы над романом он эти слова исключил. Был даже момент, когда мастер искренне верил, что Пилат мог послать императору Тиберию телеграмму, допуская тем самым полное смешение эпох.

По правде говоря, я готов был рассмеяться, но увидев сердитое лицо бабушки и вспомнив о своем обещании не усложнять, смиренно продолжил:

— У Михаила Афанасьевича первоначально просто кружилась голова, и он сам писал, что все, что касалось Пилата — это трудный и путанный материал. Так вот, Понтий Пилат вышел вершить суд в воинском облачении, что означало нарушение строгих римских традиций и правил, поскольку даже императоры, войдя в Город после военного похода, спешили немедленно снять с себя палудаментум и облачались в тогу. Тем более, что воинский плащ, напоминающий мастеру мантию, это, бабушка, был не короткий сагум, а скорее палудаментум или даже входящая в ту пору у римлян в моду хламида. Но плащ у мастера был странного цвета: белый с кровавым подбоем, а не красный. Откуда, бабуля, этот плод воспаленного воображения писателя? Цвет римского плаща — это знак отличия. Выходит дело, Пилат вздумал быть похожим на императора? В то время это было опасно, поскольку главным и самым строгим законом Рима был закон «Об оскорблении величия», не величества, замечь, как пишет Булгаков, а величия, то есть величия Богов, римского народа и императора. Слово «*Maiestas*» что значит «величие», являлось атрибутом римских богов и преклонения перед ними всего народа. Это уже пятая неточность, но о ней я говорить не буду, потому что мы обсуждаем только вторую. Пилат должен был по регламенту выйти в белой тоге непременно с узкой красной полоской по краю шириной в три пальца. Такая тога называлась претекста. В ней ходили все римские магистраты не сенатского сословия. Кто-нибудь может возразить по поводу тоги и ношения ее в жаркий весенний месяц нисана. Плащ мол в жару лучше носить шелковый, но во времена именно Тиберия был принят закон, запрещающий мужчинам использовать шелк в одежде, который рассматривался как знак восточной распушенности, и Пилат это знал. Надеюсь, я доходчиво излагаю?

Мое лицо светилось от самодовольства.

— Дися, я для чего хотела тебя приобщить к прекрасному? Только для того, чтобы ты задумался о своей жизни. Пора, дорогой мой, учиться отделять истинные ценности от

ложных, а ты меня какими-то дурацкими непонятными словами пытаешься в сторону увести!

— Я, бабуля, истинные ценности пытаюсь для тебя раскрыть. Извини, совсем просто не получается. Историческая наука — не простая штука и требует подготовки. Кстати, знаменитый русский художник Николай Ге в конце XIX века на своем полотне «Что есть истина?» Христос и Пилат» изобразил Пилата именно в тоге, правда, ошибочно прописал на тоге широкую красную полосу размером шире ладони, а это уже тога латиклава, то есть тога, которую надевали только сенаторы. Пилат же был всего лишь из сословия римских всадников. И тем не менее эта картина, которая была в постоянной экспозиции в Третьяковке, и должна была бы многое подсказать осторожному, как ты выражаешься, Булгакову, но этой подсказкой он не воспользовался. Похоже, он не читал и новеллу «Прокуратор Иудеи» Анатоля Франса, изданную еще в конце XIX века. Иначе он бы знал, что Понтий Пилат, облаченный французским писателем в тогу, вынужден был вершить суд вовсе не в претории, как в то время назывался дворец Ирода Великого, сидючи в тени дворцовой колоннады на троне из слоновой кости, а под открытым небом на мраморных плитах мостовых, поскольку иудеи не решались войти в пределы претории из боязни оскверниться, так как во дворце были выставлены языческие статуи богов и императоров, чью божественную сущность они отказывались признавать, и Рим шел им навстречу, проявляя терпимость.

— Выходит, ты читал Франса? — бабушкины глаза, разбитые показным страданием, сразу оживились, и взгляд наполнился смыслом.

— Слушай, — с насмешкой в голосе произнес я, — кто сейчас в Москве, находясь в здравом уме, читает Анатоля Франса? Это *mauvais ton*! Сейчас на слуху Маркес и Мураками. Все желают быть оригинальными. Никто не хочет думать, как все. Советуют читать Камю и Кафку. Я не читал Франса, я изучал его новеллу из-под палки вместе с Эллой Андреевной, моим репетитором. Это она мучает меня его меткими афоризмами, заставляя зубрить по-французски заумные фразы. Отцу, похоже, ее издевательства надо мною очень нравятся.

— Будь она неладна! — выдавила из себя моя собеседница, притворно сопереживая со мной.

Наконец на лице бабушки я заметил некое подобие добродушной улыбки, однако, прищулив глаз и подчиняясь импульсу старческой злобливости, она спросила:

— А тебе не приходило в голову, что Булгаков облачил Пилата в белый плащ с красной подкладкой, чтобы просто особый случай подчеркнуть.

— Приходило, — ответил я спокойно, — но скорее всего все происходило с точностью до наоборот, поскольку подобный судебный случай был совсем не редким.

— Как же так? — от досады разведя руками, возмутилась бабушка.

— Все дело в характере самих иудеев, — успокоил я бабушку, усаживая на место. — Это был особый народ, и римляне небезосновательно называли их «врагами рода человеческого». Это был народ немногочисленный, но там где их было много, они были кичливы и упрямы. Они не навязывали свое монотеистическое вероучение другим народам, они просто всех презирали, считая существами нечистыми, коль скоро все другие, не только римляне и греки, но и азиаты, слепо верили в своих многочисленных богов и кумиров, образы которых сами же ваяли и выставляли на всеобщий показ. Иудеи же своего бога не облакали в зримый образ.

— Чудно, — сказала бабушка, — а как же святые образа?

— Говорю же тебе, любое прикосновение к зримым образам оскверняло их веру. Даже римские или греческие монеты, на которых изображались лики богов либо царей, не имели хождения на палестинской земле, поскольку иудеи отказывались к ним прикасаться, и они подлежали обмену на местные деньги. Ты лучше зайди к отцу в кабинет и загляни в антикварный столик в углу комнаты, который он вечно запирает. Отец в последнее время увлекся древней нумизматикой.

— Это что еще такое, — властно повысила голос бабушка, в запале еще надеясь влиять на скоропалительные поступки своего единственного сына. Даже если ей сказать, что мой отец богаче самого царя иудейского, она бы не образумилась и все равно желала бы экономить каждую копейку. А посему я не утруждал себя излишней осторожностью в подборе нужных слов.